

**ПОХОД А.П. ЕРМОЛОВА В АКУША-ДАРГО В 1819 г.:
ПРИЧИНЫ, ХОД, ПОСЛЕДСТВИЯ**

Для того чтобы понять, почему А.П. Ермолов в конце 1819г. совершил поход в Акуша-Дарго, необходимо вкратце остановиться на положении Дагестана в начале XIX в. и на той позиции, которую занимало Акуша-Дарго в отношении политики России в крае. Это был период, который предшествовал народно-освободительному движению горцев 20–50-х гг. XIX в. и который подготовил это движение. Этот период и пародия причины, приведшие к недовольству политикой России в Дагестане как феодальных владетелей, терявших свои привилегии, так и народных масс, испытывавших двойной гнет – со стороны местных феодалов и со стороны Российской империи.

В 1796 г. когда в связи с угрозой похода Ага-Мухаммед-хана в Дагестан дагестанским владетелям было предложено собрать «милицию» и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов, к ним присоединились и «акушинский кадий, Али-Султан дженгутаевский, Ума-хан аварский» (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–19). Как и другие дагестанские владетели, акушинский кадий получил от ген.-майора Савельева, прибывшего в Дагестан с отрядом русских войск, деньги для расходов на содержание войск. Только дербентский владетель Шихали-хан отказался присоединиться к другим владетелям Дагестана и ответил на это предложение Савельева, что будет противиться вступлению русских войск в его владение (2. С. 273). Поэтому Дербент был взят силой объединенных войск, состоявших из войск, находившихся в Грузии, отряда Савельева, русского флота на Каспийском море и присланных из Кизляра войск во главе с В.А. Зубовым. Шихали-хан был смещен, правительницей была поставлена его сестра Переджи-ханум. Однако после смерти Екатерины II русские войска были выведены из Дагестана и Шихали-хан вернул свою власть в Дербенте.

В условиях постоянных притязаний Ирана и Турции на Дагестан дагестанские владетели вступали в подданство России.

С убийством Павла I в 1801 г. и приходом к власти Александра I политика России на Кавказе снова активизировалась. В 1801 г. к России была присоединена Грузия. После этого Дагестан фактически был окружен русскими владениями. В этих условиях многие дагестанские владетели и руководители союзов сельских общин обратились к России о принятии их в подданство. Развязанная Ираном русско-персидская война несколько задержала включение всего Дагестана в состав России, которое произошло только в 1813 г. в результате заключения 24 октября в местности Гюлистан в Карабахе мирного договора между Россией и Персией, согласно которому шахская Персия отказывалась от притязаний на Дагестан, Грузию, ханства Кубинское, Ширванское, Карабахское, Ганджинское. Это было юридическое оформленное вхождение Дагестана в состав России.

Но этому событию предшествовали многие годы борьбы ряда дагестанских владетелей против России, в центре которой находились Шихали-хан и Сурхай-хан II. Акуша-Дарго также находилось в лагере противников России. Но Россия продолжала свою активность. В 1804 г. Дербент без боя был взят русскими войсками. В 1806 г. Дербентское ханство было передано в управление Мехти-хана, шамхала Тарковского.

Шихали-хан и Сурхай-хан продолжали вести двойную политику – то покорялись России, то вели войну с ней. Порою добровольно, порою силою на их стороне выступало и Акуша-Дарго, в то время как многие горные общества вступали в подданство России. Противники России многократно нападали на русские отряды, города и крепости,

находившиеся под управлением России. При этом они пользовались поддержкой Персии и Турции. Русские войска несколько раз разбивали войска Шихали-хана и Сурхай-хана. Уставшие от бесконечных войн, горцы не хотели поддерживать противников России. В 1811 г. был разгромлен Шихали-хан, а в следующем году Сурхай-хан II, которому, когда он из Кураха бежал в Казикумух, «как аварцы, так и акушинцы, дуздохорцы (цудахарцы. – Б.А.)... отказались» помочь (1. С. 615). После того как приглашенные старшины Акуши и других обществ в просьбе «дать ему пособие в войсках для возвращения по-прежнему Кураха и всей провинции Кюринской» отказали, верхнедаргинцы решили вступить в подданство России. В июле 1812 г. к генералу Хатунцеву прибыли от «акушинского и всего даргинского народа кадий и почетные старшины с просьбой принять в подданство России весь даргинский народ». Они «от имени всего народа ... учинили присягу на верность е.и.в., и почетнейшие из них утвердили оную своими печатями» (1. С. 617–618; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 518–523;).

После присоединения Дагестана к России в 1813 г. начинается активизация колониальной политики «Российской». В Дагестане размещались русские войска, строились укрепления и опорные пункты. Особенно активизировалась колониальная политика России при А.П. Ермолове, назначенном в 1816 г. главнокомандующим на Кавказе.

– Все это, естественно, вызывало недовольство феодальных владетелей. Некоторые из них, кто раньше сам обращался к кавказскому командованию с просьбой принять их в подданство России и охотно принимал условия, предложенные русскими властями, решили оказать сопротивление. Одним из первых выступил аварский правитель Султан-Ахмед-хан, его поддержал Гасан-хан Мехтулинский.

В 1818г. дагестанские владетели Аварии, Кайтага, Мехтулы, Казикумуха, к которым «пристала Табасарань», решили напасть на шамхальство Тарковское. И Шихали-хан Дербентский «при помощи персидского золота «привлек» на сторону союза акушинского кадия и поднял воинственный, сильный и в высшей степени свободолюбивый народ акушинский» (5. С. 210). Ермолов понял, что «решающее значение в этом движении будут иметь акушинцы». Поэтому он приказал генералу Пестелю немедленно «с двумя батальонами пехоты и кюринскою конницею занять пограничный с Акушой Каракайтаг, а от акушинцев потребовать присяги и аманатов» (5. С. 210).

Положение Пестеля, пришедшего в Кайтаг из Дербента, было тяжелое. Узнав об этом, Ермолов решил идти в шамхальство и угрожать оттуда Мехтуле и тем самым отвлечь «большую часть дагестанцев от преследования Пестеля» (5. С. 212). Хотя Пестель занял Башлы с 2-тысячным отрядом, его положение было критическое. Против него собралось 20 тысяч человек. По словам В. Потто, Здесь можно было видеть все племена и народы Дагестана. Здесь находились и аварский хан, и брат его, и Хасан дженгутайский, и акушинский кадий, и Сурхай с своими сыновьями, и Шихали-хан с своим зятем Абдуллою, беком табасаранским (5. С. 214).

Выйдя из Грозного 25 октября 1818г., Ермолов, пройдя через Засулакскую Кумыкию, 3 ноября подошел к Таркам. Дав приказ Пестелю «наказать Башлы за вероломство», Ермолов двинулся на Мехтулу. 12 ноября русские войска пришли в Параул и отсюда направить к Большому Дженгутаю – в резиденцию хана Мехтулы. В шести верстах от Параула стоял акушинский кадий с 4-тысячным отрядом. Большой Дженгутай был взят и отдан войскам на разорение.

Одновременно с этим и Пестель отомстил башлынкам, истребив «город до основания». По словам Ермолова, он не оставил «камня на камне и следы основания его совершенно изглажены».

Горцы, до которых не доходили русские войска, после поражения Мехтулы и Кайтага ждали, что они двинутся и на них. Но Ермолов не «двинулся дальше; ... он

возвратился на линию. Окончательный расчет с акушинцами был отложен до следующего года» (5. С. 226).

Между тем волнения в горах продолжались и после разгрома Мехтулы и Кайтага. Владетели Дагестана (кроме тарковского шамхала и кюринского хана) готовили новую акцию, распределив, кому и куда идти. Они решили воспрепятствовать строительству крепости. «Сильные акушинцы со своей стороны угрожали тем, которые хотели оставаться верными русским» (5. С. 228).

Хотя русских войск было мало, Ермолов, поставив во главе экспедиционного отряда генерала Мадатова, начал борьбу с мятежниками. Матадов усмирил Табасаран и расположился около Дербента. Отсюда он двинул войска в Кайтаг, уцмий которого вел двойную политику, разгаданную Ермоловым. Состоялась встреча Мадатова и уцмий, после чего был отпущен сын последнего. Вернувшись в Кайтаг, уцмий заявил в письме к Мадатову, что он явился к нему ради освобождения сына и не хочет «иметь над собою старшего». Но Мадатов покорил Кайтаг и поручил управление старшему в роде уцмиев Эмир-Гамза-беку – кровному врагу уцмий. В начале октября Мадатов пошел на Башлы. К нему явились старшины и от имени народа присягнули на верность царю.

Уцмий был разбит в Башлах и укрепился в местности Семе. Мадатов прибыл в Янгикент, уцмий Адиль-хан не смог оказать помощь и бежал к акушинцам. Ермолов упразднил достоинство уцмий, а управление временно поручил племяннику уцмий Эмир-Гамза-беку, но без титула уцмий. Уцмий укрылся в Аварии, затем был убит своим племянником Элдар-беком.

Теперь очередь была за Акуша-Дарго, находившемся в среднем Дагестане и состоявшем из пяти союзов сельских общин (Акушинского, Мекегинского, Усишинского, Мугинского и Цудахарского). Это был, по словам В. Потто, «знамениты в горах любовью к независимости и гордый воинственным духом» народ. По его же словам, «акушинский народ нанес страшное поражение» Надир-шаху «в кровавой битве под Иран-Харабом, что значит «Гибель Персии». «Акушинцы после этой блестящей победы слыли в горах непобедимыми, и как сильнейший народ привыкли с давних пор вмешиваться в посторонние распри и играть в событиях первенствующую роль» (5. С. 250). Этот народ и предстояло теперь покорить Ермолову. К этому времени действительно Акуша-Дарго стояло одно против России. Россия покорила все Каспийское побережье, из своих земель были изгнаны уцмий Кайтага, Гасан-хан Мехтулинский и Шихали-хан Дербентский, лишенный генеральского чина аварский хан. Все они «стояли перед весьма живым свидетельством грозящим горам опасностями» (5. С. 250).

В такой обстановке у дагестанских владетелей возникает идея объединения всех в один союз, чтобы противостоять проникновению Ермолова в горы и строительству здесь опорных пунктов, какие он поставил в Чечне и Кумыкской плоскости. Во главе движения стали «гордые акушинцы», и «акушинская земля должна была сделаться ареною кровавого столкновения» (5. С. 250). Акушинский кадий принял на себя главное руководство; ему помогали аварский хан, уцмий, Сурхай-хан II Казикумухский и Шихали-хан, располагавший значительными суммами, которые он получил из Персии (5. 251).

Акуша-Дарго в это время на самом деле было наиболее сильной и влиятельной политической единицей в Дагестане и не без основания сам Ермолов писал, что «акушинцы (верхнедаргинцы. – Б.А.) служили твердою опорой всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас вооружали» (3. С. 89). Нельзя не привести здесь и слова другого очевидца – полковника Н.Н. Муравьева-Карского, посланного А.П. Ермоловым в Тарки начальствовать над двумя батальонами, завершить строительство Таркинской крепости и наблюдать за покорными жителями. Он писал, что акушинцы богаты, многочисленны и сильны в Дагестане. «Общество сие, отличающееся от прочих образований своим мудрым правлением и силою, всегда имело большое

влияние на все другие общества и владения Дагестана, так что оно даже имело у себя в залоге сыновей владельческих (шамхалов сын находился там в залоге до 1819 года). Многочисленные войска Акушинские считались непобедимыми до вторжения к ним Алексея Петровича» (Ермолова – Б.А.) (4. С. 335). Поэтому Ермолов писал, что «народ дагестанский акушинцы «является виновником» всех беспокойств, и так далеко простирается его дерзость, что ... я должен непременно идти для наказания сего народа» (3. С. 75).

Целью дагестанских владетелей было, объединившись в союз, отстоять общую независимость, принудив войти в союз «отпавшихся», восстановить весь политический строй Дагестан в том виде, как он сложился в течение веков и существовал до появления русских. Сначала предполагалось напасть на шамхала, чтобы заставить его отойти от русских, и одновременно атаковать Чирахский пост, чтобы отсечь дорогу в Кубу и разорить владения преданного России Аслан-хана Кюринского. При удаче этих планов возникала возможность предъявить русским условия мира и заставить их возвратить Дербент, Кубу, Кайтаг и Дженгутай.

В этих условиях новый поход в Дагестан был неизбежен. В Южном Дагестане действовал Сурхай-хан II, в Мехтулу опять пришел Гасан-хан. Брожение охватило даже Тарки. Ненависть горцев к шамахлу была настолько велика, что даже мать аварского хана, выдавшая за шамхала двух дочерей, писала к акушинскому кадию, чтобы тот постарался захватить шамхала живым и «доставил бы ей удовольствие выпить его крови» (5. С. 251). Шамхал же, не желая переходить на сторону «мятежников», удалился в свой загородный замок. Действия против него должен был возглавить мехтулинский Гасан-хан. Он осадил шамхала. Шамхал был в критическом положении. Но неожиданная смерть Гасан-хана повернула ход событий. Дженгутаевцы, лишившись вождя, отложились от союза (5. С. 252).

Успешно ведя военные действия в Чечне, А.П. Ермолов поспешил приступить к решительным действиям. Он отдал приказ генералу Мадатову, который все еще находился в Кайтаге, форсированным маршем идти к границам Акуша. Затем сам он 11 ноября 1819 г. в холодную бурную погоду пошел к Таркам с 9-тью батальонами пехоты и сильной артиллерией. 14 ноября Ермолов вступил в Тарки. Из-за сильной метели он задержался здесь две недели. Мадатов прибыл в Карабудахкент и отсюда послал к акушинцам прокламации, в которых требовал от них аманатов (заложников) и выдачи пленных. Акушинцы ответили отказом. Они писали Ермолову: «Знай, что мы люди вольные, у нас нет эмиров и нет могущественных владельцев в наших деревнях, мы только называемся узденями Мехти-Шамхала» (5. С. 253).

Сильные отряды акушинцев (по данным Ермолова акушинцев было более 10 тыс. человек) двинулись к границам шамхала, который, по словам полковника Н.Н. Муравьева-Карского, руководившего в то время завершением строительства Тарковской крепости, «боялся своих подданных и соседей Акушинцев» (4. С. 327). Акушинцы, которых, по данным В. Потто, было 25 тыс., могли преградить единственную дорогу идущую в горы в этом месте. В такой обстановке Ермолов «мастерскими переговорами, то льстя, то угрожая акушинцам, задерживал их движение, усыпляя их внимание» и тем самым дал возможность отряду Мадатова, двигавшемуся из Карабудахкента, занять выгодную позицию. В результате дорога в Акуша была открыта» (5. С. 255).

Переночевав на вершине горы, 12 декабря авангард русских войск спустился с гор. Интересно, что проводники «охотно указывали дорогу, не веря успеху предприятия и, быть может, желая именно заманить русских дальше в глубь горной страны». Как писал В. Потто, «как бы в насмешку показывали они места, где были разбиты войска Шах-Надира, дороги, по которым они бежали». «Таково мнение о могуществе акушинского народа, – говорит Ермолов, – и немало удивляло всех появление наше в сей стране» (5. С.

256; 3. С. 93). И сам Ермолов в своих «Записках» отмечал, что «акушинский народ, – сильнейший в Дагестане и воинственный» (3. С. 47).

Первым населенным пунктом, который заняли русские войска, было сел. Урма. Отсюда в верстах 10 была видна масса народа «возле небольшого укрепления, в котором развевались сотнями разноцветные значки. Это была первая укрепленная позиция двадцатитысячного акушинского ополчения» (5. С. 256).

16 декабря подошли главные силы Ермолова. Несколько дней войска стояли в бездействии. К Ермолову приходили акушинские старшины, но они не давали прямого ответа о покорности. «Напротив, присланные 18 числа старшины ответствовали довольно дерзко, уверяя, впрочем, - как писал Ермолов, - что о настоянии моем разсуждаемо будет в общем совете, которого решения сообщат они мне в непродолжительном времени» (3. С. 93).

Захваченные в Левашах несколько жителей рассказывали, что акушинцы несколько дней совещались, когда здесь был главный акушинский кадий. Более рассудительные и мудрые страшины не хотели войны, а молодежь, в том числе и молодой кадий, желали «непременно защищаться». На помощь акушинцам приходили койсубулинцы и «многие другие вольные общества Дагестана, менее их значительные, и, – как писал Ермолов, – весьма правдоподобное было показание жителей, что все вообще силы составляли более двадцати тысяч человек» (3. С. 93).

Ермолов, затягивая наступление, хитрил, он выжидал и обдумывал, как взять, «неприступную позицию неприятеля». Разведка донесла на третий день, что имеется тропинка, по которой можно провести не только войска, но и артиллерию во фланг врага. В то время в лагере русских были старшины, которые вели себя «высокомерно» и не соглашались даже на «самые умеренные предложения Ермолова». Несмотря на это, по его приказу их встретили вежливо, хорошо угощали, и было решено отпустить не ранее полуночи. Вернувшись в лагерь, старшины рассказали, что у русских мало войск, солдаты изнурены и едва смогут «достаточно употребить оружие» против них. Успокоившись таким известием, «гордые акушинцы, в сознании собственного могущества, заснули спокойно» (5. С. 257).

С уходом старшин русские войска «двинулись к неприятельской позиции». Их разделяло 7-8 верст. Русские незаметно подошли на пушечный выстрел, когда уже погасли огни в лагере врага. Обогнув акушинцев, русские войска во главе с Мадатовым отрезали им путь отступления. Сам Ермолов с основными силами расположился против фронта противника.

19 декабря с рассветом начался бой под Левашами. Увидев, что их начинают обходить с правого фланга, акушинцы бросились защищать другие высоты, находившиеся на пути к Левашам, где были собраны их жены, дети и имущество. Мадатов открыл сильный ружейный и артиллерийский огонь. Воспользовавшись этим, Ермолов ринулся вперед. Пораженные перекрестным пушечным огнем с фронта и с тыла, акушинцы вынуждены были бежать. Овладев утесами, русские войска стали бить по отступающим акушинцам. Их догнали триста казаков Моздокского полка, в результате чего многие были порублены.

Мадатов занял Левашу. Бой был стремительным - продолжался всего два часа. Все произошло так быстро, что акушинцы не успели развернуть против русских и четвертой части своих сил. Как отмечал Ермолов, «многие, опасаясь быть отрезанными, бросались вниз с такой крутизны, что едва мы верили глазам, чтобы с них спуститься было возможно». Русские потеряли только двух офицеров и 28 нижних чинов убитыми и ранеными (5. С. 259).

Ночевал отряд в Левашах. Здесь стало известно, что акушинцам помогали койсубулинцы, казикумухцы со старшим сыном Сурхай-хана II и многие другие «вольные общества Дагестана и что силы неприятеля доходили до 20 тысяч» (5. 259). В

бою участвовал и сам акушинский кадий Магомед, уцмий Кайтага, Амалат-бек, родной племянник и зять шамхала Тарковского и Шихали-хан Дербентский (5. С. 259). Не встречая на пути никакого сопротивления, русские войска двинулись в Акуша. Жители акушинских сел вместе с семьями, имуществом и скотом уходили в горы. Русские, напав на них, взяли несколько пленных, отбили обозы и множество скота. Войска шли вперед, «и все, что встречалось по пути непокорного, предавали огню и разрушению». Был razорен «прекраснейший городок до 800 домов Уллу-Айя» и др. села. «Разорение нужно было, – писал Ермолов, – как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа, нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание» (3. С. 98).

21 декабря русские войска подошли к Акуша и заняли ее без боя, «город был пуст. Жители, бежавшие из него, укрывались в соседних горах» (5. С. 260). Их не преследовали. Приказано было не трогать имущество жителей. Разорены были дома только тех, которые принадлежали друзьям Шихали-хана и участвовали с ним в действиях против русских. Видя такое великодушие, постепенно акушинцы возвратились в села. Почетнейшие 150 акушинцев явились к Ермолову, чтобы объявить ему от лица народа покорность.

Когда везде водворился порядок, акушинцы и собранные сюда «главнейшие из старейшин от всех селений Даргинского общества были приведены к присяге русскому императору». Церемония происходила в великолепной городской мечети (5. С. 262). В приказе по корпусу Ермолов говорил: «Труды ваши проложили нам путь в середину акушинского народа, воинственного и сильнейшего в Дагестане».

Ермолов назначил главным кадием бывшего в этом звании незадолго до этого старца Зухума, «известного кроткими свойствами и благонамеренного» (3. С. 100), «спокойным характером и умом» (5. С. 262). «От знатнейших фамилий» были взяты 24 аманата с пребыванием в Дербенте. Была наложена дань - «ничтожная в материальном смысле» - 2000 баранов ежегодно, но важная «в доказательство их зависимости» (3. С. 100).

Других наказаний или каких-либо мер в отношении Акуша-Дарго Ермолов не предпринял. В то же время он жестко наказал тех, кто примкнул к нему. Так, многие мехтулинцы, «приставшие к мятежу», были отправлены в Кизляр и там повешены, значительная часть ханства была отдана шамхалу Тарковскому.

26 декабря русские войска ушли из Акуша, оставили зимовать в Мехтуле особый отряд под командованием Верховского.

Даргинский союз покорился. Даже когда в 1823 г. в Дагестане опять возникли «мятежи и волнения», даргинцы не приняли в них участия. Более того, они вынудили «некоторые, непокорные селения выделить аманатов (5. С. 265). То же повторилось в 1825 г. во время чеченского бунта, когда акушинцы своим влиянием удержали в спокойствии весь Дагестан, уже готовый идти на помощь Чечне (5. С. 265). Через год, когда персы внезапно вторглись в пределы русских войск и разослали свои прокламации, чтобы поднять против России горские народы, акушинцы остались верными и не только не участвовали в мятеже, но и прислали к Ермолову все письма персиян, в которых те обещали им богатые подарки и большие суммы денег. Ермолов достойно оценил верность даргинцев и именем царя сложил с них дань (5. С. 265). Уже при Паскевиче акушинцам по велению императора была пожалована хоругвь, на которой арабскими буквами изображена следующая надпись: «Николай 1-й, император Всероссийский, Государь христианских народов разных наименований, повелитель многочисленных племен и орд мусульманских, вольному Акушинскому обществу за соблюдение долга верности даровал хоругвь сию в управление Магомед-кадия» (5. С. 265).

Так повсюду в Дагестане было восстановлено спокойствие. Однако невозможно было ручаться за будущность и мирное развитие, «в которой все мечты народной поэзии сосредоточивались на битвах с блеском и звоном оружия и с доблестным бесстрашием

перед грозными очами смерти. Достаточно было случая, чтобы разрушить мирное настроение даже акушинцев, хотя они основывались на лучшем ручательстве, на уважении к нравственной силе русской. В то же время в горах возникало и росло брожение религиозной идеи, восстанавливающей против гяуров» (5. С. 266).

Вся политика России после 1819 г., наступившая мирная жизнь не могли не повлиять на позицию Акуша-Дарго, на его отношение к движению горцев 20-50-х гг. XIX в. Даже в конце 1829 г., когда Газимагомеду повиновались Койсубула, Гумбет, Андия, Чиркей, Салатавия и другие общества Нагорного Дагестана, на его стороне были половина шамхальства, вся Мехтула, Казикумух, Кайтаг и Табасаран, Акуша-Дарго оставалось верным России. И только в 1844 г. под влиянием побед Шамиля над русскими войсками, под влиянием агитации и требований сторонников последнего Акуша-Дарго изменило данной России клятве верности - оно примкнуло к восставшим горцам. Однако вместе с шамилевскими войсками оно было разгромлено, после чего на его территорию были введены русские войска. После этого Акуша-Дарго не участвовало в движении горцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. АКАК. Тифлис, 1873. Т. V.
2. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 3.
3. *Ермолов А.П.* Записки. 1816-1827. М., 1869. Ч. 2.
4. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки. 1822 и 1823 года // Русский архив. М., 1888. № 7.
5. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1897. Т. 2. Вып. 2.